

Тот человек неподвижно застыл в снежном мареве. Он твёрдо держал зонт, не заговаривая и не шевелясь, подобно изваянию из благородного мрамора, чья поза была исполнена вечного изящества.

Се Юй задвинул створку окна.

«Странно».

В такую метель ледяная крупа и ветер жалили похлеще ножа; постоя так полчаса — и тело окоченеет до костей. Решив, что незнакомец явно не в своём уме, юноша перестал обращать на него внимание. Он распределил вещи по полкам и наскоро принял душ.

Напор воды в дешевой гостинице был слабым, да и прогревалась она плохо, обжигая кожу неприятным холодком. Се Юй поспешно вытер волосы и снова выглянул на улицу. Человека уже не было. Метель стерла все следы, словно его здесь никогда и не существовало.

Система, не зная холода, парила в воздухе, с упоением листая сценарий. Её флуоресцентно-голубой экран мерцал, словно в радостном предвкушении.

— Ты так счастлива? — спросил Се Юй.

[Хозяин! Нам осталось всего два шага. Последних! Два! Шага!]

Сюжет Се Юя после возвращения на родину был предельно краток. Через семь дней Се Юаньхай должен был устроить поминальный ужин в честь Се Юаньшаня. Наследнику полагалось присутствовать там, изобразить скорбь, а затем позволить Шэнь Цы насильно увести себя с банкета. Тот должен был сломать ему пальцы и запереть в психиатрической больнице. На этом его роль заканчивалась.

От Се Юя даже не требовалось никакой инициативы. Нужно было просто отрешиться от реальности, отыграть марионетку и позволить спектаклю завершиться.

Система проверила баллы исполнителя. И хотя его актерское мастерство оставляло желать лучшего, а в деталях он то и дело импровизировал, основные сюжетные точки были пройдены, а реплики, пусть и с запинками, произнесены. Текущий счёт — 65.

Комплексная оценка гласила: «Ваше мастерство весьма посредственно, однако вы берёте своим трудолюбием и профессионализмом. Итоговый балл выше среднего».

Будь это кто-то другой, Система бы сокрушалась о столь низком результате, но в случае с Се

Юем она была готова бить челом всем богам. Это же Се Юй! Тот самый человек, который наворотил столько дел в начале! И при этом умудрился вытянуть на 65 баллов?!

Осталось всего две сцены. Победа была уже в кармане. Система запустила на экране виртуальный фейерверк, заранее празднуя успех.

— Погоди, — осадил её Се Юй. — Не надо. До финиша всего один рывок, не смей заранее расставлять флаги.

Утихомирив восторженного помощника, он растянулся на узкой кровати в центре номера. Старая мебель протестующе заскрипела, железные пружины тёрлись друг о друга, издавая звук, похожий на скрежет ногтей по классной доске.

Гостиница была дырой в самом прямом смысле слова: ветхая обстановка, разошедшиеся рамы, из всех щелей сквозило. Ветер, прорываясь внутрь, завывал так, словно в номере поселились призраки.

Система терпела, сколько могла, но в конце концов не выдержала:

[Хозяин, мы действительно собираемся жить в этом убожестве?]

— Всего семь дней, — ответил Се Юй, закрыв глаза. — Потерпим. Не стоит сейчас привлекать лишнее внимание.

В течение этих семи дней Се Юаньхай развернул бурную деятельность. Он разослал приглашения всей элите Цзянчэна, обставив всё с таким размахом, что несведущий человек мог бы принять эти поминки за открытие ночного клуба.

На седьмой день, когда тело Се Юаньшаня всё ещё находилось в гостиной, организатор вечера наконец вспомнил о племяннике. Се Юю прислали приглашение, машину с водителем и даже подходящий костюм. Наряд был классическим: двубортный жилет с заостренными лацканами. Се Юй коснулся ткани — материал был превосходным, тяжелым и гладким.

Переодевшись перед единственным в номере зеркалом, он увидел в отражении высокого, широкоплечего мужчину с волевым лицом. Выглядел он вполне убедительно.

— В этой последней сцене мне ведь правда ничего не нужно делать? — уточнил он у Системы.

[Ничего, — подтвердила та, сверяясь с текстом романа. — Ты просто фон. Твоя задача — не сопротивляться, когда Шэнь Цы потащит тебя за собой].

— Проще простого, — отозвался Се Юй.

Машина доставила его к отелю. В холле было не протолкнуться: безупречно одетые мужчины с накрахмаленными воротничками, дамы в вечерних платьях, шлейф дорогих духов... Молодой господин Се незаметно проскользнул сквозь толпу и устроился в самом уединённом углу.

Он взял у официанта стакан сока и, потягивая его, внезапно замер. Его взгляд зацепился за знакомый силуэт в тени колонн.

— Хэ Чжиюань? — нахмурился Се Юй.

[Что?! — Система опешила. — Разве этот подонок не был сослан своим стариком в столицу? Что он здесь забыл?]

— Возможно, я ошибся.

Се Юй отвёл взгляд. Издалека, да ещё в такой сутолоке, легко было обознаться.

Ровно в восемь появился Се Юаньхай. Он буквально светился от самодовольства. Встав на почётное место, хозяин дома произнёс длинную и нудную речь, больше похожую на инаугурацию, чем на слова скорби, после чего под шквал аплодисментов принялся раскланиваться во все стороны.

Се Юй вяло похлопал, угощаясь кусочками помело с подноса официанта.

«Интересно, кормят ли в психиатрических лечебницах помело?»

В этот момент секретарю кто-то позвонил. Се Юаньхай вскинул руку, призывая к тишине, и жидкие хлопки затихли. Он направился к дверям, на ходу поправляя галстук. Официант почтительно распахнул створки — судя по всему, прибыл гость особой важности.

Дядя Се считался одной из самых влиятельных фигур в Цзянчэне, и людей, ради которых он готов был лично сорваться с места, можно было пересчитать по пальцам. Присутствующие затаили дыхание, гадая, кто же это пожаловал.

Се Юй, уже одной ногой стоявший в сумасшедшем доме, не проявлял ни малейшего любопытства. Он продолжал меланхолично потягивать сок и лишь когда толпа впереди расступилась, лениво поднял глаза.

Одного взгляда хватило, чтобы он застыл.

Вошедший был одет в строгий серый костюм, чей приталенный крой идеально подчеркивал линию талии — настолько изящную, что невольно хотелось коснуться её, ощутить этот безупречный изгиб под ладонью. Его ноги, длинные и стройные, скрывались за тяжелой

тканью брюк, и лишь при ходьбе на миг обнажалась кожа на щиколотках. На фоне тёмных носков она казалась ослепительно белой и нежной, точно та самая глазурь на благородном фарфоре.

Се Юю даже не нужно было видеть его лица. Достаточно было этой линии запястья, чтобы понять: пришёл Шэнь Цы.

В горле у юноши мгновенно пересохло. Он знал, что ассистент придёт, но не ожидал, что так рано.

В романе к этому моменту Шэнь Цы уже обладал огромной властью, и даже Се Юаньхай был вынужден с ним считаться. Протагонист должен был появиться в самом финале, чтобы на глазах у всех увести за собой старшего молодого господина семьи Се, и никто в зале не посмел бы издать ни звука.

Но сейчас банкет был в самом разгаре.

Если тебя выволакивают за шкурку в конце вечера, когда большинство гостей уже разошлись, — это одно. Совсем другое — подвергнуться публичному унижению на глазах у всей толпы. Се Юй не поднимал головы, бессознательно потирая край стакана. Он делал вид, что ничего не замечает, словно надеясь, что так его тоже не заметят.

Господин Шэнь теперь был самой яркой «звездой» делового Цзянчэна. Десятки людей тут же бросились к нему с приветствиями, и вскоре вокруг него образовалось плотное кольцо. Се Юй же тихо сидел в своём углу, стараясь не привлекать внимания.

«Он меня не видит, — убеждал себя юноша, отпивая сок. — Не должен увидеть».

Увы, судьба распорядилась иначе. Система, парившая над его головой, заговорила, запинаясь от волнения:

[Хо-хо-хозяин!]

[Шэнь-Шэнь-Шэнь Цы идёт сюда! Приготовься к тому, что тебя сейчас потащат!]

Се Юй и так был на взводе, а причитания Системы раздражали его ещё больше. Он прикрылся фруктовой тарелкой, пытаясь скрыться из виду.

— Слушай, ну потащат и потащат. Тащить-то будут меня, а не тебя, чего ты заикаешься?

[Ты не понимаешь... — пробормотала Система почти в отчаянии. — Шэнь Цы... он стал каким-то пугающим].

Лицо гостя по-прежнему было благородным и прекрасным, но сейчас, лишённое всяких эмоций, с тяжёлым, ледяным взглядом, оно излучало пугающую суровость. Он небрежным жестом раздвинул окружившую его толпу, взял у официанта бокал и направился напрямик к Се Юю. Его шаги были тяжёлыми и размеренными — так идут вершить правосудие.

Се Юаньхай поспешил за ним, явно недоумевая:

— Господин Шэнь, господин Шэнь, вам лучше пройти в центр зала. Зачем вам эти задворки?

Президент Шэнь остановился у дивана в пяти метрах от Се Юя и сел. Хозяин торжества, решив, что тот просто ищет тишины, устроился рядом, и они завели разговор о текущих рыночных трендах, словно вокруг не было ни души.

Система с облегчением выдохнула:

[Он пришёл не за тобой, хозяин].

Се Юй, подпирая голову рукой, делал вид, что погружён в глубокие раздумья. Услышав слова Системы, он слегка повернул голову, чтобы краем глаза взглянуть на Шэнь Цы. Он не смел смотреть открыто, лишь коротко скользнул взглядом и тут же отпрянул, словно обжёгшись.

«Шэнь Цы... он будто стал ещё красивее?»

Раньше юноша тоже был хорош собой — тонкие черты лица, налёт интеллигентности. Но тогда он был всего лишь бедным студентом в старой одежде. Его природная красота была приглушена печатью нужды.

Теперь же в облике Шэнь Цы сквозило истинное благородство. Дорогой костюм безупречно сидел на стройной фигуре, рубашка была идеально отглажена. Он надел очки в тонкой серебряной оправе, за стёклами которых скрывался непроницаемый взгляд... Если раньше он был изящной, нежной красотой, то теперь эта красота обрела остроту. В этом строгом костюме он казался воплощением сдержанной страсти и холодной неприступности — словно драгоценная жемчужина, с которой наконец стёрли пыль.

«Да, — заключил Се Юй, — из маленького красавца он превратился в настоящего властелина сердец».

Система была на грани истерики:

[Брат, мой дорогой брат! Ты хоть понимаешь, в какой мы ситуации? Сейчас самое время обсуждать, красивый он или нет?!]

— Ты не понимаешь, — покачал головой Се Юй. — Любование прекрасным — одно из величайших удовольствий в жизни.

Он тихо вздохнул.

— Жаль только, что такая красота больше никогда не одарит меня добрым словом.

[...Знаешь что, — отозвалась Система, не скрывая сарказма, — когда окажешься в психушке, вопи погромче. Может, он посмотрит на тебя и хотя бы улыбнётся].

Се Юй не стал спорить. Он поправил пиджак, встал спиной к Шэнь Цы и, сделав большой крюк, чтобы обойти диван с внешней стороны, направился к юго-западному углу зала.

[...Ты куда?]

— Мы слишком близко. Боюсь, он меня заметит. Пойду пережду в туалете.

Во всём зале уборная была лучшим убежищем. Шэнь Цы вряд ли решится вытаскивать его прямо из кабинки.

[...А как же «любование прекрасным»?]

— Любование — это радость, а вот когда тебя публично выволакивают — радости мало.

В оригинале этот момент описывался очень хлестким словом — «дохлый пёс». Там говорилось, что молодой господин Се отчаянно сопротивлялся, выкрикивая проклятия, но его скрутили по рукам и ногам и вытащили вон, точно дохлого пса.

Се Юй не слишком доверял своим актёрским талантам. Он не был уверен, что сможет достойно исполнить эту роль, поэтому решил, что благоразумнее будет скрыться с глаз долой и дожидаться финала банкета.

Шэнь Цы сидел на диване, краем глаза следя за тем самым углом. Лишь когда тень Се Юя окончательно исчезла, он отвёл взгляд.

Внешне он казался спокойным, но его спина была напряжена как струна. Он сидел, едва касаясь спинки дивана, в безупречно благородной позе. Эта поза была неудобной, но она была чертовски эффектной — именно так всегда держались светские львы Цзянчэна. Когда-то Линь Инь, будучи рядом с Хэ Чжиюанем, всегда сохраняла такую осанку.

Раньше Шэнь Цы это казалось смешным, но он и представить не мог, что настанет день, когда он сам будет изводить себя, лишь бы соответствовать мимолетному взгляду одного человека.

— ...Итак, я говорил, что второй этап испытаний прошёл успешно, и мы можем начинать третий. Когда лекарство выйдет на рынок, акции... Господин Шэнь? Господин Шэнь?

— Простите, — Шэнь Цы зачесал выбившуюся прядь за ухо.

Раз Се Юя рядом нет, можно было не заботиться о причёске. Он убрал все волосы назад, открыв чистый лоб. Сегодня он специально подкорректировал форму бровей, сделав их изгиб более мягким. Он даже подстриг виски так, чтобы вполоборота его профиль под углом 45 градусов казался максимально выразительным — именно так лучше всего подчёркивалась чистота его черт. Юноша ничего не смыслил в моде, поэтому попросил Линь Инь помочь с выбором костюма. Даже часы на его запястье были выбраны с особым смыслом: умеренный размер, лаконичный чёрный циферблат — неброско, но со вкусом.

Линь Инь, закончив подбирать его образ, даже тихо ахнула:

— Шэнь Цы, теперь я понимаю, почему Се Юй от тебя без ума. Ты чертовски хорош.

Тогда он лишь горько усмехнулся. Се Юй никогда не был от него «без ума». В их паре именно тот всегда оставался сторонним наблюдателем, готовым уйти в любой момент без тени сожаления. Тот самый Се Юй, который слыл одержимым похотью гулякой, в постели вёл себя благороднее самого порядочного джентльмена, не позволяя себе ничего, кроме мимолетных объятий.

А сегодня бывший любовник даже не поднял на него глаз.

«Старший молодой господин Се действительно так же холоден и ветреен, как говорят слухи, — с горькой иронией подумал Шэнь Цы. — Когда ему нравится — он осыпает лаской, когда охладет — выбрасывает, как ненужный хлам. Для него живой человек значит меньше, чем бездомная кошка».

— ...Господин Шэнь, господин Шэнь? — Се Юаньхай подался вперёд. — Вам нездоровится?

За последние несколько минут гость уходил в себя бесчисленное количество раз.

Шэнь Цы поднялся:

— Простите, на дороге были пробки, и я слишком долго провёл в машине. Меня немного укачало, я пойду умоюсь.

Собеседник тут же указал направление:

— Вон там, в юго-западном углу.

— Благодарю.

Шэнь Цы прошёл сквозь толпу и остановился у дверей уборной. На мгновение он замер, с досадой потирая переносицу. Мысли в голове спутались в клубок. Следовать за Се Юем было паршивой идеей. Было очевидно, что тот к нему охладел, и навязываться сейчас означало лишь унижаться.

И всё же он пошёл.

Шэнь Цы поджал губы. Чем сильнее было его беспокойство, тем суровее становилось лицо. Если они столкнутся, он всегда сможет сделать вид, что это чистая случайность.

Он толкнул дверь. В зале никого не было. Кабинка в самом конце была заперта — Се Юй был там.

Шэнь Цы на секунду замер, но затем подошёл к раковине. Он не спеша намылил руки, тщательно смыл пену, ведя себя как обычный гость. Но тут замок соседней кабинки щёлкнул. Он мгновенно напрягся и, сделав широкий шаг назад, нырнул в ближайшую свободную кабинку, захлопнув за собой дверь.

«Это выглядит просто жалко».

Се Юй не подозревал, что за стенкой кто-то есть. Он вальяжно вышел, вымыл руки и, достав телефон, запустил игру. Он играл в «Тетрис». Под бодрое «бип-бип» фигурки падали одна за другой.

[...Мы правда будем играть в игры прямо здесь?]

— Переживаем бурю, — философски отозвался Се Юй. — Просто переживаем бурю.

В туалете приятно пахло ароматическими палочками. Юноша, полностью поглощённый игрой, чувствовал себя вполне комфортно.

Шэнь Цы же за стеной буквально не находил себе места.

Прошло десять минут. Се Юй почувствовал, что стоять на одном месте ему надоело. Но стоило ему подойти к выходу, как в помещение кто-то ворвался и запер дверь изнутри.

Это был Хэ Чжиюань.

От его бывшего лоска не осталось и следа. Вид у него был жалкий: волосы в беспорядке, глаза налиты кровью. Дорогой костюм висел на нём мешком. Бывший «золотой мальчик» Цзянчэна превратился в форменное пугало. Он уставился на Се Юя с безумным выражением лица.

«Система, что с ним случилось?»

[А, после твоего отъезда у него возникли кое-какие проблемы. Семья потратила огромные деньги, чтобы замять скандал, но от самого Хэ Чжиюаня они фактически отrekliсь...]

Внутри клана Хэ конкуренция была жесточайшей. После такого громкого провала Старина Хэ окончательно потерял шансы на наследство. Его не оставят голодным, но на прежнюю роскошь рассчитывать больше не приходилось.

Се Юй нахмурился.

«В романе было что-то подобное?»

Не успел он закончить мысль, как Хэ Чжиюань бросился к нему и вцепился в плечи. Его глаза были красными, он скрежетал зубами:

— Се Юй... Ох, Се Юй! Хорошего же ты любовника себе завел! Просто отличного! Это из-за него я оказался на самом дне...

Он забормотал какую-то нелепицу, а потом его голос сорвался на визг:

— Ты должен мне помочь отомстить! Се Юй! Помоги мне с ним расквитаться!

Тот вскинул бровь:

— Кому мстить?

— Шэнь Цы! Шэнь Цы... Ты хоть знаешь, что он натворил?! Знаешь, что этот ублюдок сделал?!

— И что же? — осведомился Се Юй.

Система уже вывела всю информацию на виртуальный экран. От того, как Шэнь Цы связался с Линь Инем, до того, как он завоевал доверие Ло Шао... Всё было расписано по пунктам.

Се Юй невольно усмехнулся. Каждый пункт в этом списке был делом рук самого Хэ Чжиюаня. Это он развлекался с девчонками, он распускал руки. И когда всё вскрылось, это было лишь закономерным итогом его собственного падения. Но теперь он взывал к мести, словно кто-то заставлял его совершать все эти гнусности под дулом пистолета.

На лбу Хэ Чжиюаня вздулись вены:

— Се Юй, ты что, мать твою, всерьёз думал, что Шэнь Цы — это невинный цветочек? Я тебе скажу: у него душа чернее сажи! Когда он убедил Линь Иня не требовать компенсации, я решил, что он так тебя любит... А он в это время всадил мне нож в спину! Вот так он исполнял роль твоего любовника!

Собеседник ничего не ответил. Он медленно и тщательно принялся мыть руки. Ему было физически неприятно, что Хэ Чжиюань к нему прикоснулся.

Тот, не замечая брезгливости, схватил его за ладони:

— Се Юй, мы же с тобой с пелёнок вместе! Сегодня он сдал меня, а завтра? Кто будет следующим? Он втёрся к тебе в доверие, пользовался твоими деньгами, а сам в это время продавал твоих друзей! Этот неблагодарный выродок...

Хэ Чжиюань зашёлся в истерике, переходя на площадную брань. Шэнь Цы слышал каждое слово. Его лицо оставалось бесстрастным, но в мертвенно-бледном свете ламп оно казалось восковой маской.

Да, он это сделал. И если бы пришлось, он бы сделал это снова. Хэ Чжиюань был настоящей мразью. Если бы семья Хэ не вмешалась, он бы лично довёл дело до тюрьмы.

Но... Шэнь Цы бессознательно потёр кончики пальцев. Что подумает Се Юй? Согласится ли он с этим ничтожеством? Сочтёт ли ассистента неблагодарным предателем?

Старина Хэ продолжал неистовствовать.

— Се Юй, ты и не представляешь, на что он способен! Не успел ты уехать, как он уже подложил себя под Ло Шао. Тьфу! Корчил из себя недотрогу, а сам... Теперь-то он в шоколаде, этот продажный ублюдок...

За дверью кабинки Шэнь Цы сжал кулаки. Ему было плевать на сплетни. Но он не мог вынести, когда эту грязь вываливали прямо перед Се Юем.

— Ты закончил? Теперь моя очередь, — подал голос Се Юй.

Он вымыл руки и теперь не спеша вытирал их бумажным полотенцем.

— Хэ Чжиюань, знаешь, когда я увидел тебя в первый раз, мне очень захотелось кое-что сделать. Угадаешь что?

От такой резкой смены темы тот опешил:

— Что?

Се Юй коротко усмехнулся и резко вскинул руку. Мощный апперкот пришёлся точно в челюсть. Удар был таким тяжёлым, что Хэ Чжиюань покачнулся и рухнул на колени.

— Ты!..

— При первой же встрече я подумал: как на свете может существовать настолько наглая рожа?

Он навис над поверженным противником, схватил за галстук и нанёс два сокрушительных удара в живот.

— Хэ Чжиюань, ты на себя-то в зеркало смотрел? Кто ты такой, чтобы порочить Шэнь Цы при мне? Ты хоть мизинца его стоишь?

В школьные годы юноша не блистал в словесных перепалках, зато он регулярно тренировался. Он относился к тому типу людей, на которых одежда сидит безупречно, скрывая недюжинную силу. Избивать кого-то для него не составляло труда.

Шэнь Цы в своей кабинке буквально застыл, прильнув к щели в двери. Он представлял себе любую реакцию, но только не драку в свою защиту.

Хэ Чжиюань и вовсе потерял дар речи. Пытаясь уворачиваться, он орал:

— Твою мать, Се Юй, ты совсем спятил?!

По сюжету исполнитель не должен был распускать руки. Но раз уж история катилась к финалу, он решил просто последовать зову сердца. очередной удар пришёлся Хэ Чжиюаню в челюсть.

— Ещё раз спросишь, кто спятил?

Тот пришёл сюда излить свою желчь, но не ожидал такого отпора. Он сплюнул кровь:

— Ты реально поехал головой... Что эта дрянь Шэнь Цы тебе подмешала?..

Не успел он договорить, как получил новый удар. Под глазом у него мгновенно налился фингал, а из носа брызнула кровь.

Се Юй прижал его к стене:

— Хэ Чжиюань, предупреждаю: фильтруй базар. У него душа, мать твою, чище твоей будет! Он грязный? Да по сравнению с тобой он святой! Ты хоть понимаешь, о ком говоришь? Придурок недоделанный.

В оригинале Шэнь Цы прошёл через ад, но при этом никогда не совершал ничего подлого. Даже умирая от болезней, он пожертвовал всё своё состояние бедным детям. Се Юй понимал, что сам бы на такое никогда не сподобился. И вот такого человека смел оскорблять этот ничтожный Хэ Чжиюань?

В кабинке Шэнь Цы невольно сжал пальцы. Это было для него совершенно новым чувством. Со временем он научился не смотреть и не слушать сплетни. Он просто перестал обращать на них внимание.

Но сейчас Се Юй наносил удар за ударом, и юноша, стоя в тесной кабинке, вдруг вспомнил своё детство. Тогда в классе была очень красивая девочка. Мальчишки дразнили её грязными словами. Она расплакалась, и на следующий день в школу пришёл её отец. Он избил зачинщиков. После этого девочку больше никто не смел тронуть — у неё была опора.

У Шэнь Цы опоры не было. Никто не заступился. Он не мог расстраивать бабушку своими школьными бедами. И вот теперь Се Юй пустил в ход кулаки.

Шэнь Цы закрыл глаза. В груди всё сжалось от невыносимой, сладкой боли. В этой тесной кабинке он словно вернулся в тот школьный коридор и сквозь щель в двери наблюдал, как чей-то отец защищает своего ребёнка. Но теперь... теперь кто-то сражался и за него.

Се Юй дрался красиво. Движения его плеч были выверенными, пиджак плотно облегал фигуру. Шэнь Цы, глядя на это, вдруг вспомнил форму этого тела, тепло его кожи... Ему до безумия захотелось обнять Се Юя прямо сейчас.

Но тот больше не принадлежал ему.

Снаружи Старина Хэ взревел:

— Се Юй!

Обезумев от ярости, он бросился вперёд. Тот лишь хмыкнул. Ловким движением он вывернул противнику руку. Хэ Чжиюань взвыл от боли:

— Твою мать, Се Юй... Даже сейчас ты защищаешь его? Готов калечить старого друга ради этого Шэнь Цы? Ты что, до сих пор его любишь?!

И внутри кабинки, и снаружи повисла звенящая тишина.

Шэнь Цы судорожно сжал ткань своего пиджака. Се Юй тоже на мгновение ослабил хватку, явно сбитый с толку.

Хэ Чжиюань вырвался. Он отшатнулся назад:

— Ты что, реально... реально влип?

Среди всей золотой молодёжи Цзянчэна эти двое считались самыми бесчувственными гуляками. Кто бы мог подумать, что кто-то из них способен на настоящие чувства?

Се Юй молча смотрел на него.

В тишине Хэ Чжиюань вытер кровь с лица. Несмотря на боль, он вдруг рассмеялся:

— Се Юй, а ты хоть знаешь, кем стал Шэнь Цы? Он — фаворит Ло Шао! Теперь твой дядя, Се Юаньхай, лебезит перед ним. Ты же помнишь, как ты с ним обошёлся? Представляешь, как он тебе отомстит? А? Представляешь?! Любишь? Ну ты и влип! Я с удовольствием посмотрю, что он с тобой сделает!

Собеседник смерил его брезгливым взглядом и ровно произнёс:

— Ошибаешься. Я никогда не ворошу прошлое и не храню былых чувств.

Это не было просто бравадой. До конца его роли оставалось всего ничего, а лишние слухи могли только навредить репутации ассистента. Се Юй не хотел проблем.

В этот момент за дверью кабинки что-то негромко стукнуло — словно кто-то нечаянно задел дверь, потеряв контроль. Но Хэ Чжиюань был избит, а Се Юй уже выставлял его вон, поэтому на этот звук никто не обратил внимания.

Вытащив Хэ Чжиюаня из уборной, юноша нашёл самый укромный уголок и запустил на

телефоне игру «три в ряд». Система заглядывала в экран:

[Хозяин, может, поиграем во что-нибудь поинтереснее?]

— Какая разница, — отозвался Се Юй. — Скоро я окажусь в психушке, и там даже такая игра будет за счастье.

[Ничего, — утешила его Система. — Я буду крутить тебе кино прямо в мозгу. Обещаю, никто ничего не заметит].

Пока гости в зале занимались светским общением, Се Юй наслаждался игрой. Но когда он уже готов был побить собственный рекорд, у входа в зал поднялся шум. Гости заволновались. 006-й вернулся с выражением «горьких слёз» на экране.

— Что случилось?

Система буквально зашла в истерику:

[А-а-а-а! Я так и знала! Последняя сцена — и обязательно что-то идёт не так!]

У Се Юя ёкнуло сердце:

— Да говори же ты толком!

[Ты избил Хэ Чжиюаня! А этот придурок... он вызвал полицию! А-а-а-а!]

Тот опешил. В их кругу вызвать полицию было чем-то из ряда вон выходящим.

«Ну что ж, терять ему нечего, вот он и пошёл ва-банк».

Вскоре перед Се Юем сверкнули наручники. Полицейский был суров:

— Се Юй? На вас поступило заявление о нанесении телесных повреждений. Пройдёмте с нами.

Система была на грани коллапса:

[Что за бред?! Сюжет же должен был быть другим!]

Се Юй мысленно сверился с текстом: «Шэнь Цы привел людей и на глазах у всех схватил Се

Юя. Тот сопротивлялся, но его скрутили и вытащили вон, точно дохлого пса».

Он вздохнул. Теперь, когда на его запястьях защелкнулись настоящие наручники, повторить это было невозможно. Не мог же он сказать полицейскому: «Товарищ офицер, не могли бы вы тащить меня, как дохлого пса?»

— Не паникуй. У меня ведь средний балл 65? Пять баллов в запасе. За такой срыв сюжета снимут максимум два. Три балла ещё останется.

66-я лишь уныло причитала:

[...Может и так, но у меня очень нехорошее предчувствие].

Шэнь Цы не мог спорить с законом. Се Юя увели к машине, где он увидел избитого Хэ Чжиюаня. Тот выглядел действительно жутко. Но виновник драки знал, что все повреждения были лишь поверхностными — максимум административный арест.

В участке составили протокол. Полицейский спросил:

— Будете вносить залог?

Сумма была пустяковой. Но Се Юаньхай не стал бы подписывать за него документы. Чжоу Ян уехал. Сюй Циншаню звонить не хотелось, чтобы не раскрывать родство. Оказалось, что в огромном Цзянчэне ему некому позвонить.

Он вздохнул и устроился на жёстком стуле:

— Оформляйте арест.

Полицейский удивился:

— Точно не будете выходить под залог?

— Некому за меня поручиться.

Молодой человек с горькой иронией подумал: «Два разных мира, а итог один — некому прийти на помощь». Се Юй всегда был одиночкой. В прошлом мире его тоже задерживали, и тогда за ним тоже никто не пришёл. Впрочем, его это не слишком задевало. Сейчас это было дело привычное.

Процедура ареста оформлялась быстро. Полицейский протянул штемпельную подушку:

— Проверьте, всё ли верно, и поставьте отпечаток здесь.

Се Юй пробежал глазами текст: «подозрение в умышленном нанесении побоев». Оспаривать что-либо было бессмысленно. Он потянулся к бумаге. Из-за наручников движения были скованными. Он неловко поднял большой палец. Но в следующую секунду лист бумаги просто выдернули у него из-под рук.

— Погодите.

Полицейский жестом приказал Се Юю остановиться:

— Похоже, за вами пришли. В системе отмечено, что залог внесен и поручительство подписано. Вы свободны.

Эта новость выбила задержанного из колеи. Он поднялся со стула лишь после того, как офицер нетерпеливо постучал по столу. Кто мог это сделать? Се Юаньхай пьян. Чжоу Ян не успел бы. Сюй Циншань не знает.

Кто же тогда?

Он проследовал по длинному коридору к главному выходу и ещё издали увидел человека, сидевшего на скамье в зале ожидания. Тот был одет в безупречно сидящий костюм. Лицо его было благородным, а поза — исполнена достоинства. Он неспешно перелистывал документы. Пара прядей выбилась и упала ему на глаза; он с лёгким раздражением поправил очки в серебряной оправе. Холодный свет ламп падал на его бледную кожу, придавая ей сияние дорогого белого фарфора.

Одним своим присутствием этот человек преображал унылый зал. Ржавая железная скамья за его спиной казалась музейным постаментом, а он сам — бесценным антикварным шедевром.

Се Юй невольно затаил дыхание.

...Шэнь Цы.

<http://bllate.org/book/15869/1441279>